

А. С. Акулов

HERBA METAPHYSICAE

(Продолжение
"Контрконцептов к концепциям")

Тридцать три пункта

Редакция: 21. 01. 2025
(Запуск: 11. 08. 2023)

© А. С. Акулов 2023 — 2025

Содержание

01. Феномены вне онтологии?
02. Атланты и кариатиды?
03. Опять невербальность
04. Скоты и паразиты
05. Пси
06. Аналог вечности
07. Познание и знание
08. Выход из математики
09. Тщета эвристики
10. Опять иллюзия свободы
11. "Оцифровка сознания"
12. Опять искусственный дилект
13. Рамки смыслов
14. Прагматизм
15. Преходящий припёк
16. Отсутствие предметов как реальности
17. Чешуйка
18. Акты
19. Уточнение ошибки Витгенштейна
20. Догмы и пахтанье
21. Опять о ничтожности самосознания
22. Бесструктурный символ
23. Фундаментальная непознаваемость

24. О вопросах "высшим существам"
25. Фундаментальная непознаваемость
26. Подсократить
27. Телеология и отсутствие времени
28. Наличие вещей?
29. Злополучное немецкое Я
30. Фихте и бледный корень идеализма
31. Узость факта
32. Смерть
33. Созвездия

01. ФЕНОМЕНЫ ВНЕ ОНТОЛОГИИ?

Именно. Главный предмет онтологии — вещь в себе. Более или менее правдоподобно и последовательно онтология пока не может связывать с ней феномены. Они остаются кунштюками. Зато феномены естественным образом попадают в феноменологию и гносеологию.

Можно представить два варианта: либо господина Хайдеггера... не били в детстве розгами, либо эти розги были плохого качества.

02. АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ?

Человеческое сознание не зрит тех призраков, которые на него опираются? Оно далеко не последний слой коралловых полипов? Оно всего лишь тело для других сознаний, им не ощущаемых? Всего лишь один из буферов? Оно ПОДЛОЖКА для иного сознания? И еще хуже? Дуршлаг? Идет продавливание кое-чего через фильеры?

В любом случае протобытие находит лакуны в бытии и вторичных иллюзиях. Следует знать одно: верхние, если они есть, не помогут. Ведь и человеческое сознание не способно проникать в свои "нижние" буферы. Однако оно строит муляжные схемы, которые вроде бы действуют. Если нечто верхнее начнет всё так же вслепую играть в кубики, то это не означает, что человеческому сознанию повезет.

03. ОПЯТЬ НЕВЕРБАЛЬНОСТЬ

Несловесное общение касается прежде всего не "инопланетян", не "иных витальных сущностей" и даже не людей, но обращения части человеческого субъективного сознания к свернутостям. В быту это может, например, соответствовать обращению к "памяти", попытке вспомнить что-либо. Обращаясь к свернутости, и следует оперировать свернутостями — мыслями без слов и образов. Так легче достигнуть успеха, чем при словесных повторах или удерживании в воображении картинок, поскольку ментальный объем освобождается. Пусть в некоторых тяжелых случаях всё-таки требуются мнемонические приемы.

Заслонки-перегородки? Головная боль при желании их отодвинуть? Где-то мы про это слышали. До практической метафизики еще очень далеко. Где мир, в котором пространство не есть экскремент времени?

Нужно различать мыслепредставления, мыслеобразы, с одной стороны, и мысли-сгустки, мысли-концентраты, с другой. Среди последних двух можно выделить как принципиальные бесструктурности, так и смыслы различной степени свернутости.

04. СКОТЫ И ПАРАЗИТЫ

Часто всплывает старая гипотеза о том, что верхний твердый слой планеты Земля является скотным двором для сбора некоей энтелехии, передаваемой более развитым, чем человек, существам.

Мерзкие принципы существования на узоримой планете Земля наверняка продолжают и дальше. Они возникли не просто так. Основания некоего рая весьма сомнительны. Цепочки биологического паразитизма переходят там и сям в нечто аналогичное. Из различного рода отчетов вырастает чудовищная пирамида-иерархия. Её метафизическая

иллюзорность отнюдь не снимает ее действительности. Испорченным оказывается не только воображение неких конституционных вредителей, но и фантазия того, кто кажется праведником. Вытекающее из "очищенных" земных принципов благолепие — снятая с торта вишенка — оказывается с гнильцой и червями уже в силу неизбежной поляризуемости всего. Подслащенная вода начинает бродить. Иногда задают вопрос: "Может ли злодей быть добрым?" Конечно, может в каких-то отношениях, если он не психопат. Многое вырастает из этого. Но ведь долю психопатии можно найти у каждого. И святые выглядят помешанными. Зародыш пакости неискореним. Действующий действует благодаря некоторой слепоте, иначе бы он давно остановился. А слепота, неизбежная бесчувственность не к одному фактору, так к другому ведет к ожидаемой кривизне. А ну ка, чувствуй! Не усыпляй себя! Небось не взорвешься! Увы, взрываются. Наполняют собой дурдома и цугундеры.

Складывается впечатление, что человеческое сознание-восприятие есть имплант, приданный совокупности отдельных клеточных сознаний организма. Возможно с целью их подготовки к некоторой другой функции. Но тогда оно одновременно очередной паразит.

05. ПСИ

Какая буква стоит в левой части уравнения Эрвина Шрёдингера? (Иначе: какой буквой чаще обозначают волновую функцию?) Вот именно! Совпадение не такое уж случайное. "Корпускулярный мир" — итог извращенного наблюдения. Есть заворот кишок, а есть заворот психеи. Произошел отскок восприятия-сознания на некоторый искусственный слой, что понадобились "органы чувств" и прочие редукторы. Даже техника. Первичная мелодия стала грубо воспроизводиться на нижней твердокаменной гамме. Больше ненужных усилий и напряжения!

06. АНАЛОГ ВЕЧНОСТИ?

Гуссерлевский аналог царства вечных истин смешон даже для современной науки. Сейчас наряду с альтернативными математиками прорезаются мордочки альтернативных физик, а также неидентичных общих теорий, поглощающих некоторые частные. Всё больше возникает разговоров о возможности альтернативных миров и альтернативных восприятий. Ложное отвердевание мира связано с неизвестными родовыми напластованиями субъекта-наблюдателя. Законы мира столь же иллюзорны, как и сам мир. Иного быть не может. Вроде бы независимая еще не познанная истина должна быть, но, с другой стороны, она зависит от наблюдения здесь-теперь. Нет наблюдения — нет корпускулы. Но ведь и с самого начала некий кладезь известного и неизвестного не мог не рассматриваться как фикция. Ко всему добавляется возможность трансформации способа присутствия и вообще потери обычной человеческой оболочки. Нельзя отвергать вопросы: "Как ЭТО существует и на чем держится?", "Где ОНО есть?" Неизменно оказывается: никак, ни на чем, нигде. Мы имеем фиктивную природу истины самой по себе. Туда же равным образом можно добавить ошибки, абсурды, обманы и всё что угодно. Туда можно мысленно забросить оторванный ослиный хвост и треснувшую гайку. В любом их качестве.

07. ПОЗНАНИЕ И ЗНАНИЕ

Чтобы говорить о познании, нужно определиться с термином "знание". Однако приемлемых дефиниций этого термина нет. Обычный гуманитарный подход здесь недопустим. Не должно быть условных ссылок на некие условные массивы. Словосочетание "рациональное познание" в действительности не предусматривает никакого разума. Рациональное прежде всего означает структурное. При этом умственная доступность структурного обычно имеет ограниченный характер. Реальный ум, в отличие от фиктивно-идеального (несуществующего) разума, вполне способен

схватывать и то, что в главном своем содержании структурным (рациональным) не является.

08. РАЗНЫЙ ВЫХОД ИЗ МАТЕМАТИКИ

В решении задач отображения математика не гнушается ничем: нуль, отрицательные и мнимые числа, бесконечно малые величины, нагромождение дополнительных пространств и др. При этом достоинством математики является её результирующая беспристрастность и стерильность.

При сохранении этого достоинства математически выверенная хронология могла бы представлять большой интерес, даже будучи фантастической. Тем более что ныне существующие хронология и история довольно сомнительны. Однако "Новая хронология", построенная группой Анатолия Тимофеевича Фоменко, вызывает резкое отталкивание из-за её пропитанности религиозностью, идеологизированностью. Беспрецедентно используется народная этимология. Привязка к астрономии может подвести вследствие весьма вероятных изменений наклона оси и орбиты планеты. На таком фоне вызывают больше доверия некоторые другие альтернативщики. Уже не так важна их кажущаяся вторичность. Вот перед вами артефакты, формально относящиеся к XIV – XVIII векам, на которых при обозначении года вместо первой цифры 1 (номер тысячелетия), находятся то *i*, то *j*, то *I*, то *J*, то вообще ничего нет. При этом в прочих местах документа или изображения (в том числе самой даты) — нормальная единица. Всплывают обновленные IV – VIII века. Тысяча лет падает в пропасть. (Оппоненты почему-то обращаются только к нумизматике и технологическим ляпам при изготовлении монет.) Вот таблицы с пустотами вместо событий. Вот ссылки на годы без лета и урожая, на годы потопов и других бедствий, сопровождаемых оттоком населения из городов. Вот иные объяснения так называемого "культурного почвенного слоя". А здесь? Странные карты с четко изображенными реками на территории Гренландии и Антарктиды, с иным устьем у Нигера, большим левым притоком у Нила, с "лишними" городами на севере Сибири. Вот из-за отсутствия внятных

датировок, кроме Олимпиад, Древнюю Грецию пытаются втиснуть в предварительно УНИЧТОЖЕННЫЕ средние века. Не слишком ли всего этого много, невзирая на некоторые потешные сопоставления и отождествления? Но у нас рамки чистой философии, а потому мы обязаны сомневаться и в значительно более правдоподобных вещах. В любом случае, философия истории — нонсенс, тени веток на стекле.

09. ТЩЕТА ЭВРИСТИКИ

Понимание, запоминание, познание выпадают из пределов феноменологии и псевдосред, а следовательно из рамок философии, психологии, биологии. Эту истину давно следовало прорубить на скрижалях.

Чрезвычайно удивляют попытки К. В. Анохина и многих других без особых оговорок и уточнений ввязать сознание в нейрофизиологические схемы. Феномены, а тем более косвенно построенные на их основе конструкции никогда не вытащат сами себя из болота заведомо проглоченного. Станным образом сознание вышло из сугубо философского космоса и структурировалось, но никакой психологии и биологии как таковых в этом не было. Субъективности возникают собственным путем, не имеющим никакого отношения к третичным образам науки и философии. Смешны даже те доморощенные значения, которые Анохин пытается приписать слову "я". Биология должна заниматься собственно биологией. Но ведь не склонный к ложной кибернетике известный популяризатор нейробиологии С. Савельев, нисколько не моргнув, постоянно употребляет еретическое словосочетание "морфология сознания".

Больной вопрос о "возникновении сознания в процессе эволюции"? Чисто мировоззренческая нелепость. Надо было только додуматься до такого. Судят по поведению. Позвоночные, насекомые, головоногие... Но отчего забывают о простейших? Или о сперматозоидах некоторых растений? О функционировании любой активной клетки? Да и о многом другом. Сверх того, надо исходить не из поведения. Сверх сверх того, биологическая жизнь — болезненная аномалия. Не хотите забраться в прототипы объектов квантовой

физики? Нейросети и прочие структуры только системы заслонок примативному. Возьмите для сличения коллизии "внетелесного опыта" с последовательным отказом от "толстых" и "тонких" оболочек и рассеиванием времён-структур вообще.

10. ОПЯТЬ ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ

Центральное сознание и "моторное" сознание опаздывают на $\frac{1}{2}$ секунды от физиологически соответствующих им нейронов. Вроде бы действует и решает автомат, а не ум человека.

Сами нейроны являются когнитивной иллюзией. Но это ничего не меняет. Акцент просто упадет на метанейроны — некоторые буферы между субъективным и объективным, в конечном итоге упрется в логическую механику образования бытия и вычленностей из него, различные сбои, а затем в недобытие. Имеем кажущиеся бессмысленными подвижки, над которыми парит субъективное сознание в качестве эпифеномена. В случае хронического запаздывания субъективное сознание не сможет даже играть полезную роль карты, схемы или вообще дисплея. Тогда возникают вопросы: "Для кого или чего требуется обычное субъективное сознание? Не является ли оно передатчиком куда-то?" Словно бы имеем не столько отчеты об уже сделанном, сколько очередную ступеньку в растягивании-растяжении виртуального мира и соответственно в наращивании времени и структуры.

Контраргументы опытам Либета и аналогичным приводились, но сколь они актуальны? Ясно одно: в тривиальном бодрствующем сознании (то есть при отсутствии лунатизма и прочих малоизученных состояний) сознательная сосредоточенность соответствует скрытой действительной, а простого рода ошибки и промахи — отвлечению в сторону или рассредоточенности. Кроме того, налицо явление операционной недостаточности. В противном случае никому не требовались бы записные книжки и прочие неинтерсубъективные "внешние носители информации". Той же компенсаторной цели служит многоплановый идеальный (то есть несуществующий) мир. Практика требует фикций. На

фикции (в том числе научные псевдосреды) опирается центральное субъективное сознание, но требуются ли они метамозгу? Вовсе не факт.

Не надо забывать прописную истину: не мозг создает сознание, но как раз наоборот. Зато субъективное сознание является многостадийной вычлененностью из сознания объективного. Некоторые из буферов между объективным и субъективным мы условно назвали метанейронами. Вновь повторяю: реальность и научные фикции находятся по разные стороны от пленки субъективного сознания. От логического круга нужно уходить, хотя практика требует обратного. Мы имеем дело с разными гносеологическими пластами. Так философский космос не имеет развернутости в пространстве и времени. Беда познания в том, что буферы (в том числе "метанейроны") находятся в неразделимой слитности, не имеют тех членений по времени и пространству, что феномены и их псевдосредные производные.

Привожу пример еще одного "Либета", касающегося астрофизических псевдосред. Вселенная там объявилась где-то 13,5 миллиардов лет назад, а наличное сейчас — иллюзорный и сильно растянутый отчет о тогда свершившемся. Этот отчет пытаются прочесть, но он растягивается в процессе чтения еще больше. И само чтение дает специфическое приращение.

11. "ОЦИФРОВКА СОЗНАНИЯ"

Это словосочетание ошибочно. Оцифровать можно знание в той степени, в какой оно является информацией, но не сознание. Сознание не тождественно информации, не тождественно знанию. Официально диаматчики считали сознание функцией, а это не совсем так. Сознание содержит в себе элементы вневременности, и здесь не только искусственность эффектов заторможенности-иллюзорности, но также заимствованная у абсолюта первичная длённость-недлительность, повиснутость-расплёснутость сама по себе. При этом кажимости зрительного сознания не есть обязательный образец. Автономность субъективного провалена и в другую первооснову — внелогичность, а

отсутствие логики, нетождественное алогичности, смертельно для машины.

12. ОПЯТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ДВИЛЕКТ*

Суть сознания не понять без зануления принципа структурности. Наращивание неких сетей, гиперсети не путь в сторону сознания. Первичное сознание контрструктурно. Никакая арифметика никогда не породит собственно сознание. Нельзя отделять сознание от ощущения, оно не логистика. Главная проблема в том, что математическое или механическое отображение нельзя отождествлять с ощущением. Начинать нужно с этого. А далее возникает более тонкий вопрос в связи с тем, что смысл также есть ощущение. Нельзя путать ум и разум. Вполне правомерно говорят об искусственном разуме, пусть с долей метафоричности. Но искусственный ум — пока еще нонсенс. Разум, в отличие от ума, не требует сознания, он машиноподобен по определению. "Тупое" моносознание значительней и глубже дифференцированного, хотя с эволюционной точки зрения считается менее ценным. То, что именуется человеческим сознанием, является поверхностным конгломератом. Оно удобнее для вербальной деятельности, но менее интенсивно и менее самопроницаемо для себя же, а тем самым весьма далеко от абсолюта. Можно говорить об отторжении и последующем порабощении.

*Термин употреблен в моей статье "Искусственный двилект". См. "Ключевая философия и её окрестность".

13. РАМКИ СМЫСЛОВ

Подразумевается вопрос о восприятии-сознании. В предполагаемом универсальном сознании исчезают структуры и большинство качеств. Рамки данности имеют смысл для определённых сознаний определенного рода, например для обычного бодрствующего человеческого сознания. Постоянства, данные в воспоминаниях, сюда не относятся. Если ограничиваться обычным бодрствующим сознанием, то рассуждения об априорностях не понадобятся.

Предметы в их утилитарном значении больше относятся к сфере стереотипных псевдосред, чем к сиюминутному реальному восприятию. Предмет на ощупь или предмет в мимолетном зрительном схватывании как бы и не совсем предмет в тривиальном понимании. Механическое присовокупление реально данного к практическому лежит вне гносеологической значимости. На практике постоянно приходится иметь дело с жуткой смесью действительных воспоминаний той или иной степени сгущенности-сокращенности с мысленными упорами в автоматическое идеальное. Идеального не существует, но мыслительные ухватки апеллируют к его наличности. Субъект пытается чем-то покрыть зияние над скрытым метасознательным. В противоположность этому многие лишенные полноценной образной приданности смыслы, кажущиеся абстрактными, в действительности внутренне самодостаточны, феноменальны и не имеют отношения к спору об общих понятиях (смыслы слов: "тождество", "всё", "исчезновение", "изменение" и др.).

14. ПРАГМАТИЗМ

Прагматический подход имеет массу оправданий, но сильно ограничен, может привести к заикливанию на свершении малых дел, во многом опирается на заведомо приданные иллюзии, оказывается своего рода игрой в навязанные поддавки и обычно имеет нулевую метафизическую ценность.

15. ПРЕХОДЯЩИЙ ПРИПЁК

Не секрет факты субъективности времени и неравенства настоящего с прошлым и будущим. Мир слишком экономен — раздутым, развернутым может быть только настоящее. И всё-таки оно недостаточно развернуто и порождает массу парадоксов. При всех наличных ссылках его объем слишком мал. Однако вспышка припека есть, всё прочее проглочено. Океан идеального не спасает от отсутствия реально данного дополнения.

16. ОТСУТСТВИЕ ПРЕДМЕТА КАК РЕАЛЬНОСТИ

Это видно из всего предыдущего изложения: в строгом смысле, нет наблюдаемого и наблюдателя; предметы приписаны полноценно недоступной феноменам операциональной среде, вообще говоря, условной; узримые в действительном сознании-восприятии пятна в лучшем случае можно расценить только как знаки чего-то прагматического; разумо-рассудок — фантом феноменного ума, соответственно его нет в сознании. А интенция совсем не то, что о ней принято думать. На первой стадии она мыслительный концентрат, на второй — слабое указание на мнестическое, причем указание со стороны плавающей в сознании мысли, но не со стороны некоего гомункулуса-наблюдателя. Имеет место отсылка на то, что уже уходит из размазанной здесь-теперь-так топологии. Феноменальный ум работает с локальными мыслями, часто с алгоритмами, мелькающими знаками и сгущениями-посылками, подобен пауку. В результате его напряжения создается паутина схем, муляжей-фантомов и других полезных фикций. Конечно, задействуются засубъективносознательные буферы (скрытые сознания). Они действуют гораздо быстрее наглядно данного ума, что косвенным образом иногда фиксируют нейрофизиологи, опираясь на специфические манипуляции и собственные псевдосреды (см. опыты Либета).

В рассмотренном очень много интеллектуально безотрадного: даже если не огорчаться поверхностностью познания, предпосылку для огорчения дает узость спектра соотношений, который способна (пусть донельзя косвенно и искаженно) предоставить практика.

Дается то одна, то другая идеалистическая (несуществующая) простыня, то совокупность таких перекрученных простынь, о предметности сознания не может быть и речи. Всякий "предмет" оказывается чрезвычайно плохим даже в качестве фантома.

17. ЧЕШУЙКА

Идеалистические схемы, гуманистические мифы, практические ухищрения весьма далеки от чешуйки здесь-теперь-так сознания. Мало толку от того, что под этой чешуйкой кишит масса других, на нее непохожих, а возможно, и над ней. Обман легко найти или как-то изготовить, но надолго ли его хватит?

18. АКТЫ

Сферу актов чрезмерно расширяют. Атрибут любого акта — импульс квазипроизвольности. В феноменологии стартовые влечения и желания, эмоции, случайные ассоциации актами не являются. Влечения и желания различаются друг от друга не по месту в иерархии и степени утвержденности; часто они тождественны, а вообще соответствуют конкретным ситуациям и языковой уместности. Один и тот же вектор в зависимости от отношения к предыдущему субъективному ряду формально может быть и влечением, и желанием, и намерением. Даже желание стать королем, может спонтанно возникнуть как влечение. Намерение обычно отличается большей рационализацией, но это не есть прописная истина.

19. УТОЧНЕНИЕ ОШИБКИ* ВИТГЕНШТЕЙНА

Преклонение перед словами. Высшие смыслы не требуют вербалистики. Коммуникация не является чем-то обязательным. Кроме того, во многих сновидениях и некоторых странных состояниях общение между персонажами проходит без слов. Достаточно голых мыслей. Часто, вернувшись к обычному бодрствованию, эти голые мысли принимают за словесные предложения. Последующий анализ позволяет заметить это несоответствие. Особенно когда один из персонажей был иностранцем, а знание его языка отсутствовало.

Чистой музыке слов'а, как правило, претят, но от нее не отнять специфических смыслов и близких им явлений. Но есть особая незвуковая внутренняя музыка, собственно первичная, похожая на то, что именуют внутренней составляющей эмоций. Речь идет о неакустических тонах, но тоновым феноменом может быть и смысл сам в себе. Речь идет о том, чему вроде бы не нужна человеческая оболочка, чему она будто бы вредит, оказываясь тормозом, редуктором, стопором, обузой. Обычные феномены бодрствования не только коррелируют с перегородками, разделяющими мысль внутри нее собой, но и резко усиливают отделение субъектов друг от друга, из-за чего бессловесная коммуникация становится невозможной. Непосредственное чтение мыслей собеседника происходит в результате мимолетного случайного ухода из мешающей среды вторичных феноменов. Сравните с волной, обнажившей дно водоема. Внутренние произнесения слов на каком-то языке не являются чем-то обязательным.

*См. "Преддверия философии", п. 25.

20. ДОГМЫ И ПАХТАНЬЕ

Говорить и микросвободе, текущей свободе почти не приходится. Она либо провалена в отсутствие бытия (добытие), либо в нечто буферное. Буферное опережает. Иное может быть, когда дело касается заранее сформулированных догм. Открытое сиюсекундное субъективное сознание несвободно, но в бытовом плане оно якобы свободно, поскольку в таком условном плане оно неявно отождествляется с сознанием прежде бывшим, которое будто бы участвовало в раздумьях по поводу того или иного поведения, выбора тех или иных целей. Эти "раздумья" часто на деле не отличаются от суггестий, в конечном итоге дающих инструкции не столько внешне диагностируемому сознанию, сколько тем самым буферам. Происходит словно бы их пахтанье, окучивание. Строго логически вся эта картина довольно натянута. Однако вся деятельность чисто

суммационна, исполнена многочисленных пропусков и проскоков. В какой-то степени владеть ею можно только в подытоживаниях. Вы чувствуете, какая здесь разливка?

Несуществующие объекты ("персона", "обстановка" и др.) помещают несуществующую (идеальную) сферу, затем получают тот или иной прагматический выход. А реальными были только мимолетные вспышки здесь-теперь-так сознания. Наметки, пунктиры превращают в сплошные линии, имитацию действительного существования.

21. ОПЯТЬ О НИЧТОЖНОСТИ САМОСОЗНАНИЯ

Самосознание ничтожно в любом смысле. Во-первых, самосознанием обладает любое самое малое, самое микроскопическое ощущение, будь оно "внешнее", "внутреннее", чувственное, сугубо смысловое и какое угодно. При таком положении любое сознание уже включает в себя самосознание, а бессознательных ощущений, восприятий в философском (и реальном) понимании не существует. Прочее — фокусы плохих психологов, заимствующих неточную физиологическую терминологию*, либо забывающих о возможности отключения памяти на вполне сознательно воспринятое. Во-вторых, чаще всего идет речи о ложном самосознании, связанном с потугами персонификации, кажимостью наличия ментального гомункулуса. Такое "самосознание" уже является ничтожным логически. Имя, рамка не персоны, но знаки-указания. Мы не должны принимать на веру всё то, что считается нормальным в быту. Не менее нелепо навешивание на воображаемого гомункулуса всевозможных фикций черного ящика. Гомункулус фактически проецируется куда-то вовне и рассматривается как я — он. Нужна социология или "социальная философия"? Пожалуйста! Кофейная гуща — так кофейная гуща! Но не надо вставлять эти бумажные или "кибернетические" иерархии в феноменальную реальность.

Ничтожность обычно понимаемого самосознания и в том, что никакого поворота от "внешнего" к "внутреннему" не происходит, — все феномены внутренни сами по себе, каждый отвечает сам за себя, воспринимает исключительно сам себя, все они в единой топологии. Феномены-связки,

возникающие из-за пересечений и объединений других феноменов, равноправны всем остальным. Феномены-мысли даются сами по себе, не принадлежат некоему его, хотя и плавают внутри общей субъективной рамки.

Имеет место не самоидентификация, но её непрочная иллюзия, попытка индуцирования, внушения чего-либо. В наличии только пассивное ощущение присутствия при ощущениях. Мысли, желания, планы подчинены самим себе, не являются мыслями, желаниями, планами "я".

Я-присутствие легко отделяется от восприятия соматики (соматического облака) и столь же легко от всей остальной субъективной шелухи. На данном этапе подразумевается отказ от отождествления с чем-либо. При этом традиционное "я" = "я" — не что иное, как бессмыслица, не имеющая ни логического, ни философского значения. На практике от всех этих тонкостей абстрагируются в соответствии с принципиально иными задачами, но это как раз тот случай, когда практика не есть критерий истины. В некоторой степени она может быть лишь критерием действия, поведения. Это соотношение неопределенностей нужно учитывать.

Модели-фикции корректируются, но это не снимает ни их фикционности, ни относительности. Они остаются фантомом-предположением, плавающим над эфемерной реальностью феноменального. Подлинная природа метафеноменального неизменно ускользает.

Понимание "самосознания" в нынешней литературе — архаический нонсенс. Не меньшим нонсенсом является и обычное понимание интенции. В действительности нет его-гомункулуса, нет "направленности на". Сосредоточенность и рассредоточенность — принципиально иные явления.

Самосознание культуры, цивилизации, общества — на нынешний момент недопустимые метафоры, как и так называемое "общественное сознание". "Развивающееся понятие" (диамат), "текст, существующий сам по себе" (постструктурализм) — откровенные фантазии, потребные для создания идеалистических ниш.

[Подробно о рефлексии см. статью "Мировоззренческая рефлексия как стереотипная ложь.]

*Так физиологи, неврологи, фармакологи у себя в лабораториях слишком злоупотребляют абсурдными доморощенными словосочетаниями: "ощущение передается по нервному волокну", "морфология сознания". В наличии и заведомо двусмысленные термины, употребляемые по отношению к разным сторонам пленки субъективного сознания, предусматривающие, либо вовсе не предусматривающие нечто феноменное. Таково, например, слово "перцепция". Не надо забывать также о впадении в логический круг при попытке объединения этих сторон.

**Даже вроде бы соблюдаемое "я" = const не может быть подтверждено. Никто не следит за его прерываниями или отсутствием таковых. Оно не обязано упираться в мнестическое.

22. БЕССТРУКТУРНЫЙ СИМВОЛ

Необразный, нефигуративный и почти бесструктурный символ особенно ценен в эстетическом и метафизическом отношении. Он же беспредметный символ беспредметного. Близок к тому, что метафорически можно было бы назвать чистой духовностью. Четко выделяемым отличием тонусно-тонического символа от спонтанно обозначаемого им трансцендентного является степень интенсивности. Потустороннее такого беспредметного символа не является ложным, как в большинстве мытарств "внетелесного опыта", в нем нет подобий и параллелей обыденному. Соответственно субъективная посюсторонность беспредметного символа либо крайне обща и трудно уловима в смысле концентрированной зачаточности, либо экзотична. В таком понимании, символ, соответствующий чему-то сугубо идеальному, не имеющий реального объективного денотата, избыточен и выступает в роли экзистенциального паразита. Нельзя не увидеть при отсутствии такой девиации двух денотатов, одним из них (более слабым) является сам символ. У нас здесь слабое, разбавленное и частичное символизирует сильное и полное. Для наглядности (но не в качестве примера!) можно сравнить

с отношениями между неискаженным отголоском и голосом, между неискаженным отблеском и блеском. При этом никакое множество чего-то не подразумевается. В конечном итоге не подразумеваются пространство и время. Субъективная локусность может присутствовать только при конкретном схватывании реального символа.

Осмысливание, интерпретация связи ценностного тонического символа с трансцендентным многоэтажна. Ведь обычная человеческая речь третична по отношению к тоническому. Случайно или неслучайно спаренные с тоническим образы вторичны. В чистом первичном и невербальном смысле тоническое субъективное является как бы ослабленной субстанцией самого трансцендентного. Это единственная достоверность субъективного по отношению к объективному. Калейдоскоп структуро-рационального опирается на неуловимую в главнейших деталях практику и является донельзя косвенным, превращается в мытарство заколдованного бодрствующего сознания. Можно сравнить с Луной, которая всё время якобы падает на Землю, но движется по орбите и медленно удаляется. Перевод чего-то прямого в косвенное — одна из Сизифовых хитростей человеческого существования.

В общем случае слова и образы чужды первично тоническому, но возможно подгонка букета из них в искусстве. Возникает эффект просвета: структурное ощущений от шедевров поэзии или живописи как бы раздвигает сомкнутость структурного в остальном сознании и слегка открывает абсолют. Шум органических сознаний-сателлитов, сознаний-редукторов биологической оболочки на время заглушается*.

Бесструктурный символ иррационален, антиинформационен в кодово-кибернетическом понимании информации, не обладает многими свойствами других символов.

*Есть похожее в ином: некоторые экстрасенсы ни с того ни с сего начинают ощущать чужие мысли, а обычный человек в сновидении или бестелесном состоянии часто улавливает мысли персонажей, не пользуясь вещичей под названием "слова". Бодрствующее сознание землянина

подобно капустному кочану из великой массы частично отчужденных слоев, через которые без посредства "отбивания телеграмм" не пробиться. Но образы также симптом утраты духовных способностей, расплата за развертки.

23. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ

Непосредственное знание неполноценно вследствие его необъясненности в самом себе. Знание теоретическое неполноценно из-за его косвенности. Оно либо слепо пытается повторить знание непосредственное, либо придумывает тот или иной несуществующий мир.

На деле остается только прагматическое знание, но его работоспособность, действенность не могут считаться критериями истинности. Полученные на основе игры в насильственные жмурки данные слишком кособоки. Остаётся лакуна потусторонности. Экзотические выходы сознания за пределы обычного бодрствования и сред ординарных сновидений нисколько не снимают этой лакуны, поскольку непосредственное знание всегда заслоняет предположительное сплошное знание.

А может ли быть сплошное знание? Не является ли оно нелепостью? Непосредственное знание при любой из метаморфоз сознания остается вариативным, что фактически означает иллюзорность. Сложение разнообразных иллюзорностей в нечто одно не даст ничего, кроме абсурда. Всякий раз мы имеем только тот или иной ментальный синтез.

Мир не является распределенной в пространстве картинкой, как это пытаются нам представить. Он не есть и совокупность картинок, вложенных друг в друга. За всяким сознанием здесь-теперь-так находится его же свернутая разрозненная родословная, способы его вырезания-рисования. Если есть массы образующих сознаний, сознаний сателлитов, они не могут быть какой-то единой общей открытостью. Основа всего – закрытость, засовы, замки, завёрнутость и свёрнутость. Виды сознания, наподобие человеческого, основаны на попытках разверток, растаскиваний, разворачиваний, но неизбежно развёртывается вовсе не то,

что могло быть свёрнутым. А в пределе ничего и не сворачивалось. Дело в способах проницания. По большей части поверхностное человеческое сознание не обладает достаточной возможностью проницания, а отсюда идет раздёргивание, расплескивание, мультиплицирование.

Не было никакого большого взрыва, не было инфляции. Всё это попытки отображения ментальной филогении определённого сорта. Мы имеем дело не с объективным миром, но с антропными разрезами-вырезами недостаточно проницаемого в них первичного импульса. И дело не в познании этого импульса (он великолепным образом экстраполируется, если не так, то иначе), а в познании всей той мешанины, которая связана с человеческим сознанием непосредственным образом и состоит из биллионов завернутых нечеловеческих субъектов.

Пусть мы имеем сосуд наподобие банки или кувшина. В него наливаем жидкость. Жидкость будет находиться в нем, пока скажем, сосуд не опрокинется или в нем не возникнет дырка. Торжество практики! Так бы и было, если бы предметы были абсолютно сплошными и однородными. По науке, предметы, подобные сосуду, и прочие состоят из молекул, атомов, микрочастиц... Мы знаем только о тех свойствах микрочастиц, которые стали известны благодаря воздействию одних частиц на другие или благодаря посторонним влияниям. Что такое микрочастицы для самих себя остается неизвестным. Наши знания оказываются каждый раз чрезвычайно косвенными. Кроме того, неизбежны подозрения в извращенности всего и вся нам подаваемого. Представления о времени, движении, пространстве, структуре так или иначе оказываются искаженными отображениями чего-то более существенного.

Как бы мы не меняли свое сознание, как бы не отрывались от привычных связей и отношений, всякий потусторонний мир всегда будет превращаться в посюсторонний. Даже если бы оказались самым первичным сингулярным импульсом. Каждый раз мы имеем дело не с субъект-объектным барьером познанию, но с субъект-полисубъектным, где под вторыми субъектами подразумеваются массы нечеловеческих

сознаний, находящихся между человеческим сознанием и абсолютом.

Было бы наивно представлять вещество, состоящим из чего-то живого или способного к ощущению. В каком ракурсе возникают те или иные представления? Антропный взгляд на мир не является чем-то обязательным. Существует ли вещество не в ограниченной человеческой практике, а в действительности? Следует задать вопрос: "А в каком качестве?" Ведь все представления науки и натурфилософии остаются условными, подогнанными под весьма ограниченную практику.

24. О ВОПРОСАХ "ВЫСШИМ СУЩЕСТВАМ" (Якобы существам из "тонкого мира")

Находили медиумов, будто бы устанавливали контакт. Какие вопросы задавали? Не буду комментировать. Ответы? Вы дураки и дураками умрёте. А ведь вопросы составляли заранее, целую тетрадь. Экспромта почти не было. Нелепостей много, но укажу только одну: помешательство спрашивающих на библейских сюжетах и ситуациях.

Кстати, медиумы временами проговариваются: начинают выдавать чисто земные мыслительные штампы, околонаучные предрассудки и ходовое схемотворчество. Либо они частично несут отсебятину, либо были крепко подкручены неким остросенсом. Иногда возникает даже мысль о где-то не столь далеко сидящем земном редакторе или вообще гуру-индукторе. А по Роберту Монро, отвечают не ангелы, но древнепрошлые и далёкобудущие субъекты медиума. Висят они в том бульоне, который после крутого смешивания со сказками ложно именуют "коллективным бессознательным".

Что требуется для задавания вопросов, если есть такая возможность? Уточнить границы тематики. Может быть, даже как-то прояснить их у отвечающих.

Вряд ли имеет смысл задавать философские вопросы. Не исключено у "высших" никакой философии нет. Скорее всего,

нет искусства. Техника, философия, искусство, по сути, коренятся в изъянах земного существования.

Чужая наука? Если такая есть, то она связана с другим обращением в мир, другим разрезом восприятия, отсутствием языков и соответственно письменности, а потому не будет иметь значимых пересечений с наукой земного типа. Вместо языков извольте воспринимать сами мысли. Непривычно? Зато удобно!

Не менее странными окажутся и вопросы, связанные с обыденностью. Кому она нужна? Кого она интересует? Да и эти "ангелы", как правило, не любят играть в гадалок.

Не так плох вопрос: "С какой стати взялся мир (совокупность миров)". Однако ответ на него может оказаться предельно общим, совсем не удовлетворяющим любопытства.

Ответ на вопрос "Какова будущая судьба человечества?", конечно, может оказаться уклончивым или вариативным, но судьба человечества вполне ясна и без пророков: рано или поздно люди исчезнут. На фоне такого исхода не очень-то впечатлят утверждения о некоей общемировой полезности, некогда существовавших, но полностью вымерших людей.

Ответ на вопрос "Какова функция человеческого существования?" не слишком понадобится. Мало ли мы слышали чепухи от всевозможных восточных гуру!

В вопросе "Каков конец мира?" не надо понимать "физический мир". Видимо, вам ответят, что вы не о том думаете. Если всё слито в одно, то по-разному и разливается, разделяется.

О наблюдении за демонстрацией старого сеанса 1994 г. Услышал только одну удачу. На вопрос о форме существования "высших", получен ответ: де мы не существуем, но приходим к вам в таком-то бестелесном виде. Я бы добавил: "Спонтанно прорываемся".

25. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ

Непосредственное знание неполноценно вследствие его необъясненности в самом себе. Знание теоретическое неполноценно вследствие его косвенности. Оно либо слепо

пытается повторить знание непосредственное, либо придумывает тот или иной несуществующий мир.

На деле остается только прагматическое знание. Его работоспособность, действенность не могут считаться критериями истинности. Полученные на основе игры в насильственные жмурки данные слишком кособоки. Остаётся лакуна потусторонности. Экзотические выходы сознания за пределы обычного бодрствования и сред обычных сновидений нисколько не снимают этой лакуны, поскольку непосредственное знание всегда заслоняет предположительное сплошное знание.

А может ли быть сплошное знание? Не является ли оно нелепостью? Непосредственное знание при любой из метаморфоз сознания остается вариативным, что фактически означает иллюзорность. Сложение разнообразных иллюзорностей в нечто одно не даст ничего, кроме абсурда. Всякий раз мы имеем только тот или иной ментальный синтез.

Мир не является распределенной в пространстве картинкой, как это пытаются нам представить. Он не есть и совокупность картинок, вложенных друг в друга. За всяким сознанием здесь-теперь-так находится его же свернутая разрозненная родословная, способы его вырезания-рисования. Если есть массы образующих сознаний, сознаний сателлитов, они не могут быть какой-то единой общей открытостью. Основа всего – закрытость, засовы, замки, завёрнутость и свёрнутость. Виды сознания наподобие человеческого основаны на попытках разверток, растаскиваний, разворачиваний, но неизбежно развёртывается вовсе не то, что могло быть свёрнутым. А в пределе ничего и не сворачивалось. Дело в способах проницания. По большей части поверхностное человеческое сознание не обладает достаточной возможностью проницания, а отсюда идет раздёргивание, расплескивание, мультиплицирование.

Не было никакого большого взрыва, не было инфляции. Всё это попытки отображения ментальной филогении определённого сорта. Мы имеем дело не с объективным миром, но с антропными разрезами-вырезами недостаточно проницаемого в них первичного импульса. И дело не в познании этого импульса (он великолепным образом

экстраполируется, если не так, то иначе), а в познании всей той мешанины, которая связана с человеческим сознанием непосредственным образом и состоит из биллионов завернутых нечеловеческих субъектов.

Пусть мы имеем сосуд наподобие банки или кувшина. В него наливаем жидкость. Жидкость будет находиться в нем, пока скажем, сосуд не опрокинется или в нем не возникнет дырка. Торжество практики! Так бы и было, если бы предметы были абсолютно сплошными и однородными. По науке, предметы, подобные сосуду, и прочие состоят из молекул, атомов, микрочастиц... Мы знаем только о тех свойствах микрочастиц, которые стали известны благодаря воздействию одних частиц на другие или благодаря посторонним влияниям. Что такое микрочастицы для самих себя остается неизвестным. Наши знания оказываются каждый раз чрезвычайно косвенными. Кроме того, неизбежны подозрения в извращенности всего и вся нам подаваемого. Представления о времени, движении, пространстве, структуре так или иначе оказываются искаженными отображениями чего-то более существенного.

Как бы мы не меняли свое сознание, как бы не отрывались от привычных связей и отношений, всякий потусторонний мир всегда будет превращаться в посюсторонний. Даже если бы оказались самым первичным сингулярным импульсом. Каждый раз мы имеем дело не с субъект-объектным барьером познанию, но с субъект-субъектным, где под вторыми субъектами подразумеваются массы нечеловеческих сознаний, находящихся между человеческим сознанием и абсолютом.

Было бы наивно представлять вещество, состоящим из чего-то живого или способного к ощущению. В каком ракурсе возникают те или иные представления? Антропный взгляд на мир не является чем-то обязательным. Существует ли вещество не в ограниченной человеческой практике, а в действительности? Следует задать вопрос: «А в каком качестве?» Ведь все представления науки и натурфилософии остаются условными, подогнанными под весьма ограниченную практику.

26. ПОДСОКРАТИТЬ

Философию следует сильно подсократить. Убрать всякого рода помой и манную кашу. Однако неизбежно понадобится и философия для неспециалистов в философии, причем как минимум две. Конечно, философию для технарей обустроить не просто, но вполне возможно. Без Спенсера и Николая Гартмана. Главное — уход от видимости. А философию для гуманитариев? Образуется большой провал. Как это так гуманитария да подвести к философии?! Умное ли это дело? Упора в разницу между языком и речью, речью и мышлением для этого недостаточно. Не повредятся ли мозги у будущего социолога или историка?

Философия требует полного изгнания из своих пределов 1) всей гуманитарной псевдонауки, 2) того, что именуют натурфилософией, 3) междисциплинарного фокусничества, 4) фикций трансцендентального. Неизбежно преодоление сугубо бумажных схем и мифов современной психологии. Ведь они ничем не лучше, чем Карнеги, анти-Карнеги и прочее в том же роде, оказываются попытками гадания на очередной кофейной гуще.

27. ТЕЛЕОЛОГИЯ И ОТСУТСТВИЕ ВРЕМЕНИ

Говорят сами за себя, когда время — в действительности (потусторонне) вовсе не время. Имеет место проблема обратного членения по направлению к субъекту. Пример заведомо данного муляжа — пространство-время в физике. Изъятие человеческого субъекта или Рода снимает многие антропоморфные навороты. Не факт, что все.

28. НАЛИЧИЕ ВЕЩЕЙ?

Наличие каких-либо онтологически данных вещей, кроме абсолюта, крайне сомнительно. Только абсолют полнобытиен, означает логическое рождение бытия. Любая структура содержит в себе неизбежное отторжение от бытия в той или иной степени, а в наибольшей степени комбинаторику разного рода отторжений.

Каково взаимодействие добытийного внелогичного, внепричинного с новообразованным логичным? Не является одним из его итогов размывание бытийного? Скорее всего именно так. Подойти к этому можно и с другой стороны: абсолют неиллюзорен только изнутри себя самого. Взятый иначе он как бы исчезает.

Слово «недобытие» многозначно, означает не только добытие, но в некотором смысле и послебытие. Онтологическое загнивание абсолюта неизбежно. Составные части человеческого сознания выглядят отмирающими отходами сознания абсолютного. При этом кажимость вещей образуется довольно длинным кругооборотом. Одно составленное рассматривает оборотные стороны других составленных. Видимость, а вслед за ней и вещи должны рассматриваться как порождения ракурсов восприятия, порождения постполнобытийной мешанины. Гилюзоизм неверен в том отношении, что объективно данных вещей не существует. Формально может считаться субъективным изнутри самого себя даже абсолют. Его объективность не столько формальна, сколько метафизична.

29. ЗЛОПОЛУЧНОЕ НЕМЕЦКОЕ Я.

Подлежит полной элиминации. Имеется набор безличных субъективных сознаний-самосознаний, данных в виде специфической топологии и более ничего. Изначально: именуемое мыслями и чувствами является единым расплавом. Вербализация не есть что-то обязательное. Для упрощения узрений требуются закрытые глаза и отключение внутреннего голоса. Тогда легче избежать противопоставления соматических ощущений прочим и возникновения иллюзии jakości. Этим или иным путем можно осознать чуждость факта самоосознания (менее точно самосознания) каждого из восприятий или ощущений. Не нужно порождать призраков и внутренних гомункулусов. Соматические ощущения в области горла или передней части головы (у каждого свое) в наибольшей степени способствуют возникновению ложных кажимостей.

Ощущение присутствия при чуждых сознаниях-само-осознаниях есть, но оно не присутствие чего-то, независимо от его обозначения или необозначения его словом "я". Разумеется, привешивание значка [я] к суммарной субъективности может быть только бытовым, квазиименным, но никак не философским.

Деятельность, в том числе мышление, подразумевают наличие чего-то наподобие разнообразных волевых импульсов. Но импульсы подобны позыву сделать пи-пи. У чего на самом деле появляются позывы? Нельзя персонализировать ни одно приданное. Попытка объективация изнутри субъективности приводит к обнулению субъективности как чего-то реального. Высказывание "я мыслю" ошибочно. В строгом смысле мышление безлично.

30. ФИХТЕ И БЛЕДНЫЙ КОРЕНЬ ИДЕАЛИЗМА

В «Наукоучении» (1801 г.) Иоганн Фихте вкладывает антропоморфное восприятие в сознание любого существа с продвинутом мышлением, формально создает некоего абстрактного субъекта. Сразу же можно усомниться в соответствии такого субъекта каким-либо потенциальным тау-китянам и даже теоретически возможным нечеловеческим высокоинтеллектуальным особям на Земле. Привязанность к механизмам, письменности и сходным с гоминидными типам ощущений не может считаться чем-то обязательным. В экзотических случаях и человеческое сознание способно принимать обыденно невозможные свойства.

Полное отвлечение от восприятия невозможно. Не существует линий и треугольников в запахе и звуке. Построение теоретического мира на основании исключительно зрения – нонсенс. Именно зрение вводит человека в соблазн. Нельзя исключать продвинутое мышление, основанное на чувствах, неизвестных человеку. Многие восприятия предполагают неспособность человека к проникновению сквозь среды. Умение видеть содержит в себе иллюзии и довольно прозрачную подгонку, синтез несуществующего. Здесь есть как автоабстракции, так и искусственное заполнение. Современная неклассическая

математика предложит вам массу вариантов, выходящих за пределы гоминидных способностей, но наверняка и она будет в чём-то сильно ограничена. Квантовая механика показывает неполную состоятельность человеческой логики, понуждает многих к фантастическим интерпретациям, да так что приходится вспоминать астрономические толкования Клавдия Птолемея. Тезис о «всеобщности» знания истончается. Кстати, долгое и многословное рассуждение Фихте о замыкании двух пересекающихся линий третьей линией изложено крайне скверно. Поневоле читатель вынужден представлять себе какое-то другое положение геометрии. Получаемый чистый идеализм оказывается сам по себе смешным, рассчитанным на логическое или иное проигрывание начально заданных условий.

В другой версии работы Фихте начинается с тождества $A = A$ и тут же вводит ужасное Я, что более чем опрометчиво. Наука о науке? Такой в принципе не может быть. Квадратуру круга не хотите? Философия там и сям кусает как науку, так и искусство, чрезвычайно редко вонзает в них шпоры, но стать наукоучением не может, как не может водить воображением поэта, композитора или художника. Нефилософская наука о науке? Таких немало в мусорном ведре. Естественные науки продолжают паразитировать на мифе о существовании материи, поскольку не умеют смотреть на свои объекты с другой стороны, то есть изнутри них самих. Даже взгляд на человека изнутри человеческого сознания никем не проведен как следует и достаточно убедительно. О чем говорит интеллектуальная помешанность на словах «я» и «личность»? Нет дела до вздорности собственно философских коннотаций в данном случае? Не меньше возражений вызывает в подобном ракурсе и слово «знание», тем более «абсолютное знание». Фихте всё-таки задается вопросом о седалище абсолютного знания и заявляет, что оно не в А, не в В, но между ними. Каково заключение! Проще сказать, что оно нигде. Фихте словно бы не замечает кардинальную несовместимость более или менее широкого знания в реальный здесь-теперь ум и неизбежно уходит в область несуществующих

фантомов. Ум разматывает теории в субъективном времени, но потенция действительного наличия относительно целостной теории самой по себе хороша в любой науке, но только не в философии, поскольку это само по себе – всего лишь удобный пещерный миф. В философии не должно быть никаких как бы и понарошку, в том числе иллюзии суммированного ума. В небытии нет арабесок. Нет и самого неметафорического небытия. Созерцание некоего идеального мира невозможно.

Вот типичное высказывание Фихте: «Свобода количествования мыслит себя». Что-то можно отправлять на свалку, а что-то в область потенциального. Это одно и то же. Так приходят к такой нелепости, как бесконечность, и не только. Состроив козу, мы словно бы реализуем некоторые направления, но в действительности их нет. Нельзя путать философию и математику. Долой Гиперуранию! Есть разрозненные чертежи самолёта, есть частично воображаемый самолёт, есть неполное восприятие самолета, есть самолёт прагматический, на котором собственно летают. Однако самолёта самого по себе в философском смысле нет. Вместо него всякого рода репрезентанты и упор в непознаваемую метафизическую глубинность с её возможными разворотами.

Презрение к сиюминутному понятно, но все-таки рассуждения Фихте об абсолютном знании сильно напоминают сказки братьев Гримм. Хотя он верно заметил несоответствие в идущем от Декарта Спинозовском разделении на протяжение и мышление. Такое несоответствие сохраняется и у Лейбница. Протяжение не есть пространство. Последнее вторично. С другой стороны, нельзя не видеть возможность бесструктурного сознания и фактическую структурность субъективного знания. Очень скверно, что Фихте привязывает сознание к любезной ему «количествуемости»; здесь как раз выход за пределы сознания в фиктивный разум, возникновение идеализма. Мыслитель пытается далее изгладить сказанное им с помощью терминов «свобода», *formaliter*, *materialiter* и приходит к абсурду. Абсолют у него оказывается множественным внутри себя! Вот оно небытие идеального, раздутая трансцендентальность вместо трансцендентности.

В работе 1810 г. («Наукоучение в его общих чертах») Фихте объявляет знание богом*, но не проясняет для чего богу такая мелкая бяка, как знание. Если же подразумевается знание не в человеческом, а в особом виде, то следует прояснить его специфику, либо хотя бы дать какой-то намёк. Далее слово «знание» подменяется словом «схема», что совсем плохо, поскольку уже прямо подразумевает дискретность и снимает возможную метафоричность знания. И дискретность, и непрерывность слишком посюсторонни, никак не подходят ни абсолюту, ни его отображению, провозглашаемому Фихте. Прочие рассуждения на эту тему смотрятся еще более спекулятивными и выглядят теологическими пережитками. Далее мы видим скачок с переходом в наивность: Фихте всерьёз начинает говорить о «телесном мире». О формах созерцания здесь не может быть и речи. Идет условная разметка некоей подковёрной доступности. Наблюдения здесь могут быть только индикаторами неизвестного взаимодействия-наводки чего-то третично-многоличного, помеси отсубъективного и буферного. Индикаторы не обязаны быть образом и подобием.

Фихте слишком часто использует философски ничтожный термин «бесконечность», превращая тем самым свои рассуждения в безответственную мешанину. И совсем запутался: «Я должен быть? Кто это Я? Очевидно, имеющее бытие и данное в созерцании я, индивид. Он-то и должен быть». Бесхитростным образом он опредмечивает субъективное сознание и неправомерно отождествляет его с Я, а следовательно с Он. При этом субъекту приписывается несуществующая активность и долженствование, якобы вытекающее из наличия созерцания. Искусственно втискиваемое в субъективное сознание немецкое Я ничем не лучше Макаронного монстра.

Фихте лишает сам себя холистического подхода и в работе «Факты сознания» утверждает, что протяжение не есть ощущение. Сужение — расширение не влияет на наличие ощущений. Не имеет смысла нелепо пытаться обходить это с помощью фикций прагматического рассудка. Попытка и философии следовать в русле

практического идеализма (как поступают обыденность и наука) смехотворна, поскольку фихтевские рассуждения о Я и не-Я даже отдаленно не имеют никакого утилитарного выхода (как и теоретического). Наивный идеализм не работает в области философии.

*Очень похоже на то, что Фихте сильно напугала происшедшая с ним скандальная история в Иене. Он долго потом отбеливался всеми возможными способами.

31.УЗОСТЬ ФАКТА

Чаще факт имеет под собой мало что объективное. Оказывается чем-то вроде случайной конфигурации совокупности вырезов, разрезов, масштабов и растров. Соответствует тем или иным сугубо идеалистическим представлениям и наивным картинам мира. Такое положение нисколько не препятствует вписанности фактов в какие-либо достаточно жёсткие схемы.

Отдельно можно рассматривать факты субъективного восприятия и прагматические факты. Факт не может иметь полноценного онтологического и метафизического статуса.

32. СМЕРТЬ

Большинство рассуждений о ней вызывают лишь недоумение. Изображения старухи со стальной косой ещё не надоели? Для посюстороннего сознания важнее процесс умирания: каков он, как происходит, нужно ли его замедление или убыстрения, скажем, для улучшения качества результатов жизни. Можно различить два вида умирания: отождествимый с самой жизнью и локальный, связанный с опасными состояниями, из которых есть или отсутствует возможность выйти. Существуют и необратимые опасные состояния. Важнейшими при патологических состояниях можно счесть беспомощность и боль. Обычно человек бежит от боли, стремится как бы выбраться, вылезти из нее, что вполне может привести к её усилению. Однако существует боль, которая куда-то исчезает при попытке сосредоточения

на ней или активной умственной попытке вникнуть в неё еще дальше, сделать её самосущной, разобраться, что она такое есть в чисто чувственном аспекте. Всё это философски не всегда интересно.

Вопрос «после этой жизни?» логически небезгрешен, поскольку уже в «этой жизни» посюстороннему субъекту наверняка соседствовал некий неорганический, небιологический потусторонний субъект, всегда находившийся будто бы рядом. Именно он, а не кто-то может претендовать на жизнь после жизни. Сознания этих разнослойных субъектов если и могли пересекаться, то редким и случайным образом. Например, в управляемых сновидениях, распознанных изнутри как сновидения. [Термин «осознаваемые сновидения ошибочен».] Этот дремлющий потусторонний субъект способен прорываться в обычное бодрствование теперешнего субъекта только в некоторых особых и чрезвычайных случаях. Они могут соответствовать только высшему эмоциональному подъему или действительной (а не метафорической) медицинской панике, когда с внешней точки зрения человек становится сильно похожим на лунатика. Есть основание думать, что в некоторый краткий/гораздо реже длительный период действиями управляет теневой субъект.

Смерть организма – не что иное, как прекращение жизнедеятельности всех ансамблей клеток. Никаких проблем для фундаментальной философии здесь нет, поскольку труп не является организмом. Юридически каверзно только «состояние овоща», когда, по мнению физиологов, новая кора человеческого мозга прекратила жить, так как перестала подавать электрические импульсы. Но ведь она в подобный каверзный момент не гниет! Если она даже рассосалась или иным образом уничтожена, прочий мозг (наиболее главный) продолжает жить. Искусственное дыхание, искусственное кровообращение или кардиостимуляция, другие обязательные внешние воздействия могут свидетельствовать только о разновидности парабиоза. Не исключено, что какие-то из сознаний продолжают при его наличии, говоря просторечно, балдеть. А ведь кроме теневых субъектов должны быть и сознания вегетативные, в том числе связанные с единичной клеткой. Они могут сохраняться и в культуре ткани. Критерий

здесь не раздражимость, но наличие ощущения. Хемо, фото и до сих пор неизвестные нам ощущения должны быть у любой живой бактерии. [Деление феноменов на ощущения, восприятия, сознания, самосознания сильно устарело Субъект – сугубо формальная рамка и не является гомункулулум-наблюдателем. Общую топологию (связность) суммы здесь-теперь доступных сознаний обеспечивает не он. Самое мелкое и краткое из ощущений идентично его же мелкому и краткому самосознанию. Феноменологически нет деления на восприятие, воспринимаемое и воспринимающего.]

Субъективное время принято отсчитывать по наиболее дифференцированным и быстрым феноменам, Поверхностным, а не глубоким! Однако существуют феномены интегративные, для которых время замедлено или даже остановлено. Для них большие и малые промежутки времени неразличимы. Размазанное субъективное мгновение для них тождественно огромному периоду. Не будем употреблять заезженное слово «вечность». Отсюда и мгновения предсмертного состояния с типичными иллюзиями-мытарствами могут изнутри тянуться неопределенно долго, продолжаясь в нечто неизвестное.

Чисто прагматический лжеобъект под названием «человек» выпадает из удовлетворительного рассмотрения как науки, так и строгой философии, но имеет прямое отношение к триллионам невнятным образом паразитирующих друг на друге микро- и макросубъектов. Микросубъектам, называемым нейронами (правильнее было бы говорить о метанейронах!), вообще-то наплевать на человеческий организм и нервную систему. Они заняты собственными делами.

Наработанные обществом методы практических действий сильно ограничены, поверхностны и являются попытками подгонок, а потому связаны с заведомо извращенными картинками мира.

Говорить о частичном умирании Рода вряд ли имеет смысл, поскольку он начинается с прототипов неорганического и рассыпается на всевозможные отделенные друг от друга буферности. Как и букет человеческих сознаний, не имеет полноценного бытия. Является ли живой иллюзия? Если не совсем таковой является, то говорить

следует не о смерти, но умирании. Дающаяся изнутри самой себя иллюзия сохраняет внутренний же статус реальности даже при ложности любого объективного. Освобождение от органического рабства на буферном уровне ничего не обещает тем, кто привык жить в искусственно или инертно индуцированных контурах личности. Всякий ли способен принять действительную безличность всего и вся?

Мысленно (либо иным образом) выделяем удобный лужок и на нём танцуем. Но это мы сами выделили! Да и невозможно на нём постоянно сосредотачиваться.

33. СОЗВЕЗДИЯ

Удивительны проколы визионеров и контактёров. От них можно услышать фразы: «Я жила в созвездии Ориона», «Они прилетели с созвездия Стрельца». Но ведь созвездий не существует, называемые ими наборы звёзд только проекции, а светила расположены далеко друг от друга. Дело не в этом, а в том, что многие объекты, явления обыденности и науки всё те же созвездия, образуемые совокупностью совпадений и ракурсов. Метафизически они отсутствуют.

Содержание

01. Феномены вне онтологии?
02. Атланты и кариатиды?
03. Опять невербальность
04. Скоты и паразиты
05. Пси
06. Аналог вечности
07. Познание и знание
08. Выход из математики
09. Тщета эвристики
10. Опять иллюзия свободы
11. "Оцифровка сознания"
12. Опять искусственный дилект
13. Рамки смыслов

14. Прагматизм
15. Преходящий припёк
16. Отсутствие предметов как реальности
17. Чешуйка
18. Акты
19. Уточнение ошибки Витгенштейна
20. Догмы и пахтанье
21. Опять о ничтожности самосознания
22. Бесструктурный символ
23. Фундаментальная непознаваемость
24. О вопросах "высшим существам"
25. Фундаментальная непознаваемость
26. Подсократить
27. Телеология и отсутствие времени
28. Наличие вещей?
29. Злополучное немецкое Я
30. Фихте и бледный корень идеализма
31. Узость факта
32. Смерь
33. Созвездия